



Библиотека ГВЛ
Серия: «Экономика»

Фредерик Бастиа

Что видно
и чего не видно

Социум
2006

УДК 330.828.2

ББК 65.02

Б27

БИБЛИОТЕКА ГВЛ

Серия: «Политика»

Библиотека ГВЛ — совместный проект
издательства «Социум» и Фонда «Либеральная хартия»

Бастиа Ф.

Б27 **Что видно и чего не видно /** Фредерик Бастиа ; пер. с франц. — Челябинск: Социум, 2006. 144 с. (Серия: «Библиотека ГВЛ: Экономика»)

ISBN 5-901901-46-0

Фредерик Бастиа (1801—1850) — французский экономист, депутат парламента, блестящий публицист, отстаивавший частную собственность, свободные рынки и ограниченное правительство. Очерк *Что видно и чего не видно* является величайшим вкладом Бастиа в экономическую концепцию издержек. Сравнивая непосредственные и наглядные результаты вмешательства государства в размещение экономических ресурсов с более отдаленными и скрытыми последствиями Бастиа показал несостоятельность представления о том, что государственные расходы могут создать рабочие места и богатство. На типичных примерах Бастиа убедительно показал, что краткосрочные результаты экономической политики зачастую радикально отличаются от вызываемых ими долгосрочных последствий, которые могут быть противоположны ожидаемым. Согласно Бастиа, разница между плохим и хорошим экономистами состоит в том, что первый придерживается только следствия, которое видно, а второй принимает в расчет и то, что видно, и все те следствия, которые надо предвидеть.

УДК 330.828.2

ББК 65.02

ISBN 5-901901-46-0

© ООО «Социум»,
составление, 2006

Содержание

Что видно и чего не видно	5
I. Разбитое окно	6
II. Увольнение с воинской службы	10
III. Налог	14
IV. Театры, изящные искусства	20
V. Общественные работы	29
VI. Посредники	33
VII. Ограничения	43
VIII. Мапины	51
IX. Кредит	60
X. Алжир	65
XI. Бережливость и роскошество	72
XII. Право на труд, право на прибыль	81
Государство	88
Прошение	106
Что-то еще	114
Доминирование посредством промышленного превосходства	128
Метафоры	138

Что видно и чего не видно

В области экономических явлений всякое действие, привычка, постановление, закон порождают не только какое-нибудь одно, но целый род следствий. Из них только одно первое непосредственно обнаруживается в одно время с причиной, его вызвавшей, — *его видно*. Остальные открываются последовательно, одно за другим — *их не видно*, и хорошо еще, если можно *предвидеть* их.

Вся разница между плохим и хорошим экономистами в следующем: один придерживается только следствия, которое *видно*, а другой принимает в расчет и то, что *видно*, и все те следствия, которые надо *предвидеть*.

Это различие громадно, потому что почти всегда случается, что ближайший результат бывает благоприятен, а дальнейшие последствия пагубны, и наоборот. Отсюда следует, что плохой экономист преследует маленькое благо в настоящем, за которым следует великое зло в будущем, тогда как истинный экономист имеет в виду великое благо в будущем, рискуя маленьким злом в настоящем.

То же происходит в области гигиены и нравственности. Часто чем слаще первый плод какой-нибудь привычки, тем горше остальные. Об этом свидетельствуют разврат, лень, расточительность. Следовательно, когда человек, пораженный

следствием, которое *видно*, не научился еще различать того, *чего не видно*, он предается пагубным привычкам не только по склонности, но и по расчету.

Это объясняет эволюцию человечества, фатально связавшую со страданиями для него. Невежество сопровождает человека с колыбели и в поступках его определяется их ближайшими последствиями, единственными, которые он может видеть при своем рождении. Требуется немало времени для того, чтобы он привык принимать во внимание еще и другие последствия. Этому научают его два разных учителя: опыт и предусмотрительность. Опыт заправляет им сильно, но слишком грубо. Он учит нас познавать все последствия наших поступков, заставляя перечувствовать их на себе самих, и мы непременно в конце концов узнаем, что огонь жжется, лишь потому, что сами обожглись. На место такого сурового учителя я хотел бы по возможности поставить другого, более мягкого, — предусмотрительность. Вот почему я рассмотрю последствия некоторых экономических явлений, противопоставляя тому, *что видно*, то, *чего не видно*.

I. Разбитое окно

Были ли вы когда-нибудь свидетелем гнева добродушного буржуа Жака Бонома, когда его неспособный сын разбил оконное стекло? Если вы присутствовали при этом зрелище, то, наверное, так же, как и все присутствующие, хотя бы их было

более 30 человек, словно сговорившись, спешили утешить несчастного хозяина следующими общими фразами: «Нет худа без добра. Подобными случаями держится промышленность. Каждый хочет жить. Что случилось бы со стекольщиками, если бы никогда не били стекло?»

В этом утешении кроется целая теория, которую не худо выяснить на этом совсем простом случае, потому что это та же самая теория, которой, к несчастью, руководствуются обыкновенно наши экономические учреждения.

Если предположить, что надо истратить 6 франков для починки стекла, и что этим хотят сказать, что благодаря этому случаю стекольная промышленность получила 6 фр., и что на эти 6 фр. ей оказано поощрение, то я буду вполне согласен с этим рассуждением, не буду даже оспаривать его, ибо оно совершенно правильно. Придет стекольник, исполнит свое дело, возьмет 6 фр., потрет руки от удовольствия и в сердце своем благословит ужасного ребенка. *Это то, что видно.*

Но если путем рассуждения придут, как это часто случается, к тому заключению, что хорошо, коли бьются стекла, потому что это усиливает обращение денег, а следовательно, служит поощрением промышленности вообще, то я воскликну: «Стойте! Ваша теория не идет дальше того, *что видно*, и не хочет знать того, *чего не видно*».

А не видно того, что если наш буржуа истратил 6 фр. на какую-нибудь вещь, то он не может

истратить их на другую. *Не видно того*, что если бы ему не пришлось вставлять новое стекло взамен разбитого, то он мог бы, например, купить себе новые сапоги вместо стоптанных или книгу для своей библиотеки. Короче говоря, он употребил бы эти 6 фр. на что-нибудь такое, на что теперь употребить их не может.

Подведем же счет промышленности вообще.

Стекло разбито, и стекольная промышленность обогатилась на 6 фр. *Это видно*.

Если бы стекло не было разбито, то эти 6 фр. пошли бы в пользу сапожного или какого-нибудь другого мастерства. *Этого не видно*.

Итак, если бы приняли в соображение то, *чего не видно*, как факт отрицательный, и то, *что видно*, как факт положительный, то поняли бы, что для промышленности вообще, или для национального труда, нет никакой выгоды от того, будут ли стекла биться или не будут.

Теперь подведем счет Жака Бонома.

При первом предположении — что стекло разбито — он тратит 6 фр. и пользуется таким же, не больше и не меньше, стеклом, как прежде.

При втором предположении — что стекло не было разбито — он израсходовал бы 6 фр. на обувь и пользовался бы в одну и то же время и парой сапог, и стеклом.

Следовательно, так как Жак Боном составляет часть общества, то, приняв общество в его совокупности и подведя баланс его совокупным

трудам и наслаждениям, придется заключить, что оно потеряло ценность стекла, то, чего стоило стекло.

Продолжая эти обобщения, мы приходим к тому неожиданному выводу, что «общество теряет ценность всех предметов, без пользы уничтоженных», к тому афоризму, от которого волосы встанут дыбом на головах протекционистов, — что «ломать, бить, уничтожать не значит поощрять национальный труд» или, короче, что «разрушение невыгодно».

Но надо, чтобы читатель хорошенько понял, что в этой маленькой драме, какую я предложил его вниманию, участвуют не два, а три лица: одно лицо — Жак Боном — представляет собой потребителя, который вследствие уничтоженного стекла принужден иметь одно наслаждение вместо двух; другое лицо, стекольщик, изображает собой производителя, промысел которого получил поощрение благодаря этому случаю; третье лицо — сапожник или всякий другой мастеровой, труд которого настолько же пострадал от той же причины. Это третье лицо, которое держат всегда в тени, олицетворяет собой то, чего не видно, и является необходимым элементом задачи. Оно-то и учит нас понимать, как нелепо находить выгоду в разрушении. Это самое лицо научит нас скоро и тому, что не менее нелепо находить выгоду в запрещении, которое представляет собой ни более ни менее как частное разрушение. Разберите хорошенько все доказательства, приводимые в пользу этой системы запрещения, и вы не найдете ничего, кроме

переименованной фразы: *что случилось бы со стеклышком, если бы никогда не били стекло?*

II. Увольнение с воинской службы

С народом происходит то же, что и с отдельным человеком. Когда народ или человек хочет получить удовлетворение, ему самому надлежит определить, какой ценой оно добывается. Для народа, для страны величайшее из благ — безопасность. Если ради безопасности нужно призвать в армию сто тысяч человек и потратить сто миллионов, мне ничего возразить. Благо покупается ценой жертвы.

И поэтому пусть никто не заблуждается насчет важности жертвы.

Скажем, некий деятель предлагает уволить из армии сто тысяч человек ради того, чтобы облегчить на сто миллионов груз налогов.

Если ответить на это так: «Сто тысяч человек и сто миллионов денег необходимы для национальной безопасности; да, мы приносим жертву, но без такой жертвы Франция распалась бы усилиями разношерстных групп или была бы захвачена внешним врагом», то у меня не найдется никаких доводов ни за, ни против, и хотя только что приведенный аргумент фактически может быть истинным или ложным, но теоретически он не заключает в себе никакой экономической ереси. Последний ясно преступает лишь тогда, когда хотят изобразить саму жертву как некое преимущество, кому-то выгодное.